

О дискотеках, Бродском и Украине

Это было больше полжизни назад. До Горбачёва оставались считанные годы, я была студенткой Казанского Университета; мой бойфренд Мишка тоже был студентом, только на пару курсов старше и гораздо умнее. Мишка, кроме научных работ и чего-только-не, ещё устраивал дискотеки: необычные, «не квадратные», часто не танцевальные, - пользовался дискотечным форматом, чтобы легализовать действо с авангардной музыкой.

Очередную дискотеку решено было устроить со стихами — наверное, по примеру «Машины времени», они в первых своих концертах перемежали песни стихотворными вставками. Меня попросили сделать подборку стихов к готовому музыкальному материалу. Это была страшно интересная работа: я натаскала всякого любимого, не-хрестоматийного, того что не входит в малый джентльменский набор. Серебряный век, переводы Лорки и Рильке, Арсений Тарковский.

И ещё был один поэт из книжечки родительского самиздата. Когда я читала его друзьям, то просила не распространяться, потому что поэт уехал в Америку. В книжечке (впрочем, небольшой) меня поражало то, что все до одного стихи «падают» - нет плохих или даже средних. Ну не бывает же, чёрт возьми, чтобы всё было хорошо — даже у классиков! Выходит, бывает. Правильно, Иосиф Бродский. Этого Бродского у меня в подборке оказалось три стиха. Мишка взбунтовался: не надо в универе устраивать вечер крамольного поэта! Мишенька, говорила я, ну ни одна же собака не догадается — никто же не знает его стихов. Максимум один стих, авторитарствовал Мишка. Сторговались на двух.

Дискотека удалась на славу: пришло много преподавателей, люди больше слушали, чем танцевали, я чувствовала каждое слово, когда читала — и радовалась тому, как здорово вплелись русские тексты в нерусский музыкальный авангард-андерграунд.

Потом времена стали раскручиваться как пружина, в литературе и публицистике можно было утонуть; и даже в этом море Бродские стихи сильно выделялись; и было ясно, что в одном человеке как бы два поэта: юноша и старик, и непонятно, какой действует сильнее. И я написала ему любовное письмо. Куда? В Америку. Кто-то ехал из Казани в Москву, потом кто-то другой из Москвы в Нью-Йорк, а там была возможность отправить письмо куда надо. Ванька Жуков отдыхает. Татьяна Ларина, в общем, тоже. А лет мне было, наверное, как им двоим вместе взятым, и я была - молодой специалист в НИИ при заводе ЭВМ.

В актовом зале этого завода я и делала первые свои большие поэтические вечера. Конечно, и по Иосифу нашему Александровичу тоже. Как я захлёбывалась от восторга, цитируя из его нобелевской лекции «...Ибо эстетика -- мать этики...» - Да! Да! Как это верно! Как наоборот тому, что нам с детства талдычили в Совке!

Так получилось, что моя программа по Бродскому прозвучала раньше декламаций его стихов по телевизору знаменитыми артистами — и от многих я потом слышала, что они воспринимают только мою интерпретацию. Нет, вряд ли мне грозит мания величия: я вовсе не пытаюсь представить себя круче великих исполнителей. Просто любовь, отправленная в письме, должна же куда-то пойти.

Эта самая любовь прошла у меня около года назад: когда я прочла пресловутый стих Бродского «На независимость Украины».

<http://www.poezia.ru/salon.php?sid=25995>

Кроме омерзительного содержания, это, по-моему, просто плохое стихотворение. Настолько плохое, что я сначала приняла его за стилизацию. Может быть, именно эстетика тут первая и отказала — и потянула за собой этику.

А совсем недавно (с неделю назад) я узнала, что автор противился распространению

этого стихотворения, не давал к публикации и пр. И мне снова захотелось отправить ему письмо. Это ведь неважно, получает адресат письма или нет. Интересно (важно), что там с этикой и эстетикой происходит. Не будучи философом — или социологом — или моралистом, — я не берусь рассуждать о том, какое из этих двух «э» первично (может быть, это вроде вопроса о яйце и курице). Я могу только робко-радостно удивиться, насколько всё в этом мире связано. Как сам автор не хотел распространять то, что явно выпадает, то есть падает ниже, ну и пусть совсем отпадёт.

Связано — этикой-эстетикой — конечно, всё на свете, но поэзия — особенно. Потому что, по Цветаевой, «...в стихах, кроме стихов (стихотворной стихии), есть еще все стихии».